

Иван Васильевич Быков родился в 1952 году в селе Пуятино Липецкой области. Окончил Липецкий государственный педагогический институт. Работал учителем в школах Воронежской и Липецкой областей. Печатался в центральных и областных газетах, коллективных сборниках. Автор книг для детей и юношества «Мышиное семейство Монти-Морих», «Догадливый кот — урожайный год», «Враль и герой Мишка Орлов», «Кружка молока, ломоть хлеба, да рукой достать до неба» и других. Лауреат конкурса «Добрая лира». Член Союза писателей России. Живет в городе Нововоронеже.

Иван Быков

ОДНО И ТО ЖЕ...

Фантастический рассказ

Сыну Василию

1

Высокого и сутулого арестованного с завязанными глазами затолкали в черный воронок и плачущей осенними слезами ночью повезли в неизвестность. Шофер, молодой и начитанный лейтенант, с некоторым удивлением и даже почтительностью разглядывал яркую и благородную внешность очередного «врага», его забрызганные дождем волнистые белокурые волосы, потемневший от сырости светлый костюм-тройку. Он живо представил русского писателя Ивана Тургенева с черной повязкой на глазах и с грустью покачал головой: «Неужели расстреляют?»

И стало жалко неизвестного, и вспомнилась пословица: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Молчаливых сопровождающих, одетых в плащи и шляпы, шофер, сам не зная почему, презирал, старался никогда с ними не разговаривать. А еще лейтенант не любил позднюю осень, не любил скользкого, словно намазанного маслом, сырого асфальта, а потому сосредоточился на дороге.

Неприметное серое здание выглядело темным и неприветливым осенней ночью. И было удивительно тихо, лишь копоши-

лись и еле слышно шуршали осыпаемые каплями дождя листья черного шатра деревьев над головой.

Подхватив под руки очередную жертву, сопровождающие буквально потащили арестованного во двор. А у того мысли разбежались, рассыпались, расплылись, как на картинах импрессионистов краски дождливой улицы. Успеть хотя бы мысленно попросить прощения, вспомнить бледное, испуганное лицо жены, обоих сыновей и дочери. Невестка старшего на седьмом месяце беременности... Он был уверен, родится мальчик — внук. Еще в голову лезла всякая чепуха, которой он старался, но не мог противостоять: «Лучше бы в лоб стреляли, а не в затылок, как убегающему... еще миг — и споткнусь, упаду в яму, а там ледяная вода... брррр...».

Свернули к металлической лестнице, ведущей на второй этаж. Только тут отважились снять повязку, да и то лишь для того, чтобы поднять ся наверх.

На тяжелых металлических ступеньках выпукло вился узорчатый рисунок дореволюционного литья, сделанный специально, чтобы не было скользко. Этот рисунок напоминал глазастого робота со звездой на лбу, который следил за ним с каждой ступеньки. Зря он забыл, поднимаясь по научной лестнице вверх, о всевидящем государственном оке, а оно, беспощадное в своей законности, не забыло.

С завязанными глазами его усадили на стул чьи-то сильные руки.

— Вы нам нужны как ученый, — сказал вкрадчивый и въедливый голос.

Он вздрогнул: шел 1938 год, третий год травли генетики и селекции. Ему, наиболее талантливому ученику создателя русского евгенического общества Николая Кольцова, предъявлено серьезное обвинение по расстрельной статье. Какой ржавый голос! Так и въедается!.. Он представил перед собой робота, того, что привиделся на чугунных ступеньках.

— Простите, что не снимаю повязки. Так лучше. Зря дрожат ваши руки. Успокойтесь, все позади. Вы похожи на Ивана Тургенева внешне... а знаете, о чем он мечтал больше всего? О своем Спасском-Лутовинове. Придется и вам некоторое время помечтать, то есть побыть вдалеке от родных. Выпейте чаю, а потом перейдем к делу.

Чай был горячим, чашка обжигала пальцы, а от сладкого, которого он не пробовал вот уже год с лишним, в горле и в сердце заструилась непростительная надежда и жажда — жить. Вернулась прежняя гордыня.

— Петр Павлович Белорозов, генетик, подхвативший главную идею труда основателя русской евгеники «Улучшение человеческой породы», так? — резал и кромсал сердце ржавый, вместе с тем очень твердый голос.

Он кивнул. Так как всегда был уверен, что нужно не только на идейном, но и на генетическом уровне создавать человека созидающего — Homo Creator. Созидатель жаждет новых открытий и достижений. И он проявит себя в самых различных областях науки, промышленности, сельского хозяйства, а это в свою очередь будет способствовать развитию творчества. Созидатель сумеет прокормить и воспитать многочисленную семью.

Он был, как и его наставник, категорически против агрессивных и насильственных мер: стерилизации, помещения в концентрационные лагеря, психбольницы или эвтаназии. Главной опасностью для развития добрых генов русского человека считал ограничение рождаемости. Но на всякий случай и тут пробовал защищаться:

— Евгеническое общество прекратило свое существование в 1929 году по предложению самого же Николая Кольцова.

— Знаю! Пусть с опозданием в десять лет, но вам предстоит продолжить свою работу в экспериментальной лаборатории. Главная задача: довести до конца теоретические труды по генетическому улучшению человека будущего. Вам будут предоставлены в неограниченном количестве данные со всего Советского Союза. Осмотревшись на месте, сделаете подборку нужных кадров. Их количество должно быть минимальным, а результат максимальным. Раз в неделю в заднем коридоре будут открываться две расположенные напротив друг друга комнаты. В одной найдете все необходимое, в другой заберут то, что вам не нужно. На правой стене своей спальни увидите нарисованное солнце, оно легко поворачивается, принимая ваши письменные требования.

— А моя библиотека?..

— Уже на месте. И ваша, и труды Общества евгеников по улучшению человеческой породы. Дана разнообразная подборка зарубежных монографий, многие из которых вам хорошо известны. Мы удивим англичан и американцев, когда выведем, пусть теоретически, «наследственного гения», так ведь назывались труды последователя Дарвина Френсиса Гальтона, который рекомендовал применить искусственный отбор к людям. Учтите, время работает на вас и против вас. Чем скорее закончите, тем скорее ваше имя будет реабилитировано. Вернетесь в семью.

Петра Павловича куда-то привезли, провели по подземному ходу, потом, попросившись, приказали сделать пять шагов вперед и снять с глаз повязку. С непривычки ослепил яркий свет. Ученый находился в просторном зале. Вдоль левой стены стояли шкафы с различными приборами для антропометрических измерений, столы с микроскопами и бинокулярами. В этой же стороне располагалась научная библиотека с готовой картотекой. С правой стороны размещалась кладовая реактивов и химической посуды. Тут же белела дверь с предупредительным знаком об опасности — она вела в экспериментальную лабораторию с приборами ионизирующего излучения. Объемным выглядел научный спортзал. Далее располагались кухня, столовая, кладовая... А вот и его апартаменты: личный кабинет, скромная спальня, ванная. Ему, прагматика, все это казалось чудом.

Вскоре в соответствии с планом прибыли помощники. Все они были молодыми мужчинами, правда, глухонемыми. Исправно поступал генный материал: клетки крови и тканевые срезы от прабабушек и прадедушек, бабушек и дедушек, родителей, детей из многодетных семей, из семей, в которых дети рождались от разных отцов, или от одного отца, но от разных матерей. В течение трех с лишним лет шли непрерывные опыты и замеры однойяйцевых и разнояйцевых близнецов обоих полов, эксперименты по воздействию на хромосомы химических препаратов и радиации.

В конце концов, Петр Павлович попросил оставить его одного, ибо пришла пора глубоких раздумий: важно было, проанализировав результаты, сделать на их основе научные выводы, которые позволяли дать практические точные рекомендации по улучшению «человеческой породы».

В июне 1941 года загремела война, а ничего не подозревавший об этом ученый усиленно работал: составлял таблицы и чертил графики корреляции.

И вот итоги подведены, но про него и про его труд словно забыли.

Напрасно он строчил одну за другой записки и опускал за солнечный диск. Вскоре из еды остались лишь одни консервы.

Бесконечное ожидание становилось невыносимым. Не с кем было обмолвиться словом, поразмышлять, утвердиться в собственной правоте. Забытый всеми, ученый вбегал в тренировочную залу, начинал орать и швыряться мячами. Ему все чаще казалось, что его огромный труд гроша ломаного не стоит, ибо в нем не хватает чего-то самого главного.

Однажды поступил совершенно дико: сам нарисовал иконы Божьей Матушки и Спасителя, которыми все сильнее бредил, и стал истово молиться, стоя на коленях в темной комнате, включив лишь одну лампочку настенного бра в виде красного сердечка. И привиделись ему родные: они выходили из углов, и обнимали его, и трогали обросшее дикой бородой лицо, и шептали нежно о том, что любят и ждут его... Он, опустошенный и просветленный, приложился усталым лбом к теплому сердечку и вдруг понял, чего не хватает всем его теориям и рассуждениям. Им не хватает тепла от той самой любви, которой все и соединяется, да и хромосомы тоже, в единое целое — в гуманного человека.

И воспрянул воспаленный мозг, руки схватили ножницы, быстро «обкорнали» седую бороду. Разум ожил, решив создать ни много ни мало — эликсир любви, который сможет одухотворить «породистого здоровяка с резиновым сердцем», сделать добрым.

Он чувствовал себя средневековым алхимиком, действовал интуитивно, отвечая на один и тот же вопрос: «Почему это нужно?» Ссыпал, мешал реактивы. Увы, потом, во сне, приходил похожий на него, только всезнающий профессор, который фыркал и разводил руками, мол, неправильно.

В очередной раз, двойник-профессор поднял палец, изрекая мудрость: будто лаборатория находится внутри священной горы, связана с нею через нарисованные иконы силой благодати. Теперь в истовых молитвах Петр Павлович обращался не только к Господу и Божьей Матушке, но и к самой горе.

— Матушка, царица небесная, заступница, родившая Спасителя и отдавшая Его на растерзание ради любви... ради человечности... Поступи так же, пожертвуй мной ради любви. Я, ученый-затворник, и гора моя ищем общее — Божью пристань, то есть Его любовь.

«Господи, я стал, как шаман, разговаривать с духами», — думал он лихорадочно и, не понимая почему, выходил за какие-то двери, соскребал лопаткой то глину, то мел, потом толлок их, добавлял собственные слезы, несколько капель уксуса, тридцать три ложки сахара, три килограмма крахмала, ровно пятьсот семьдесят пять граммов кофе, двадцать два грамма соли и еще разные компоненты в строго определенных пропорциях.

Знающий профессор больше не приходил и не критиковал, смесь лежала внушительной кучей на столе. Оставалось лишь смешать ее с водой.

Попробовал в отдельной чашке — эликсира не получилось. Смесь осталась холодной. Он это почувствовал, а потому рассердился, так рассердился, что сунул руку в теплую, словно живую кучу и сыпнул целую пригоршню в воду. Опомнился в тот момент, когда в просторной, как таз, кювете перемешал с водой все без остатка, смахнул капли пота со лба и носа... и бессильно закрыл глаза. Интуитивно ощущал, что не хватает еще одного компонента. Вот только какого?

В июне 1943 года полковник Фридрих фон Миллер получил странный пакет от русского резидента. В пакете находились микрофотографии тайных приказов и согласований на «Работы по выведению породистых коммунистов». Опыт подсказывал, что это ложный след вражеской контрразведки, но резидент в очередной раз положил в тайник «окурки», в котором пряталась микрокарта тайной лаборатории вместе с координатами ее нахождения и шифром для открывания ворот и дверей. Вход в научный тайник прятался совсем неподалеку от его местопребывания, то есть у села Ляпунишки, в районе оврагов, прозываемых Прорвой. К искусно замаскированным воротам вела извилистая шоссе́йная дорога, а сам проход был настолько просторным, что по нему вполне можно было проехать на бронетранспортере.

Вместе со взводом разведки, освещающая дорогу фонариками, добрались до лаборатории. Приказав капралу ждать его возвращения, осторожно вошел в тускло освещенный бункер. Нажал вниз красный рычаг, створки двери бесшумно раздвинулись, и барон оказался в просторном зале лаборатории.

Размеры подземных коммуникаций удивили и поразили, оборудование было практически новым, залы пустынными. Неужели никого?

На столе кабинета, заваленного различными рисунками, лежала толстая красная папка и словно бы поджидала его. Миллер открыл, прочитал название: «Теоретические расчеты и практические рекомендации по генетическому созданию советского человека-созидателя». Сердце усиленно забилось. Он вытащил платочек, вытер пыль на стуле, присел и стал жадно просматривать лист за листом.

Вот «воришка в погонах» услышал шорох, поднял глаза и попросту обомлел, так как, хватаясь за горло, к нему приближался седой и косматый, похожий на безумного Пана, сумасшедший.

Петр Павлович, увидев в своем кабинете человека, читающего его труды, в свою очередь обмер сердцем. Спазм так перехватил ему горло, что он махал руками, силясь хоть что-то сказать, и не мог.

Холоная рука незваного гостя выхватила вальтер. Грохнул выстрел. Схватившись за бок, призрак дико вскрикнул и упал.

Спрятавшись между шкафами, полковник дождал некоторое время, не появится ли кто еще, а затем взял красную папку, вышел из лаборатории и, подняв красный рычаг вверх, закрыл дверь.

Придя в себя, раненый затворник долго не мог понять, что с ним стряслось, почему у него сбоку расплывается кровавое пятно.

Все происходящее казалось очередным сном, но в кабинете заветной папки не было. Неужели в лабораторию впрямь кто-то проник? Взялся было искать двери, которые вывели бы наружу, но только зря потерял время и силы. Испытывая слабость, покрываясь испариной и зажимая правой рукой рану, Петр Павлович скорее чисто автоматически, не повинуясь разуму, дотащился до технического холодильника, где в кювете хранился раствор, открыл дверцу и опустил в ванночку горящую огнем, перепачканную в кровь руку. И тут случилось непредвиденное. Пальцы отпустила боль, а из кюветы поднялось розовое, похожее на цветок облачко.

— Нашел, я нашел последний компонент! — забормотал неутомимый

исследователь, чувствуя новый прилив сил. — Нужна моя кровь... ха-ха-ха, как просто... всего лишь моя кровь... Та-ак, запомним, это открытие я сделал 17 июля 1943 года.

Собрав в кулак остатки силы воли, он вытащил кювету из холодильника и поставил на стул. Сердце учащенно билось, перед плавающим взором сияли удивительной небесной синевой широко распахнутые, счастливые глаза жены Насти поры его влюбленности, как раз в тот момент, когда они делились друг с другом первыми неумелыми поцелуями и своими мечтами.

— Я люблю тебя, дорогая, хочу только одного, чтобы эту любовь сохраняли наши потомки. Я знаю, голубка, ты ждешь от меня подвига, — покачал он головой с тихой грустью и, сжав скальпель, твердой рукой вскрыл вены на левом запястье, которое сунул в раствор. — Мы обязательно встретимся, и ты мне расскажешь о наших детях и внуках.

Угасающему взору Петра Павловича виделись розовые клубы пара, все гуще наполнявшие лабораторию. Падая, он опрокинул тяжелые бинокулярный микроскоп и термостат. От удара лопнула труба, и оттуда полилась вода.

3

Скрадыватель времени, разработанный китайскими магнитологами, позволял перелетать в нужную точку планеты очень быстро и с минимальной тратой энергии. Любое количество людей, любой груз переносило магнитное поле на основе антигравитации. Делалось это просто. Нажималась соответствующая кнопка вызова, заказывался маршрут, обеспечивалась его безопасность, готовилось магнитное поле. Когда коридор был готов, то происходило перемещение. Мощные электронные биометры мгновенно приподнимали и опускали, отводя в сторону точки пересечения с другими маршрутами. Допустимо было перемещение вместе с машиной, с домом.

Естественно, это открытие послужило возникновению сезонной миграции больших масс населения. Скрадыватель времени дал возможность жителю Арктики объясняться в любви невесте из Антарктиды, назначать ей свидание в кафе «Белый медведь». Коэффициент ближнего перемещения был равен одной тысячной, а дальнего — вплоть до скорости света.

Шел 2205 год. Население Земли к этому времени перевалило за тридцать миллиардов. Перемещение во времени, открытое еще 11 лет назад, буквально спасало Землю. Нашлось много желающих продолжить свою дальнейшую жизнь в другом времени, в прошлых эпохах, несмотря на так называемый «Закон муравьи» — оказался на новом месте, обломай крыльцо, то есть забудь дорогу назад. В те далекие времена оставались свободные земли, пригодные для жилья, где можно было общаться с живой, не искусственной Природой. Вошло в моду перемещение в Сибирь, тундру, то есть в бескрайние и дикие места Советского Союза: бежали от суеты цивилизации в спокойное, «застойное» брежневское время.

У успешного ученого-генетика Кроссина Говвера с каждым годом все сильнее портилось настроение от разочарования, которое он испытывал из-за дочери Аллелии. На самом деле ученого звали Павел Петрович Бе-

лорозов, но так как он долгие годы исследовал влияние кроссинговера¹ на аллельные и неаллельные² гены, то, соответственно, приобрел прозвище. Дочь с самого рождения звалась Аллелией, так решил отец, а мать согласилась с пожеланием мужа.

Кроссин Говвер изучил массу соответствующей литературы, прежде чем жениться и завести потомство. Ему хотелось, чтобы дочь уродилась здоровой, с мощным иммунитетом, была породистой, то есть выведенной им — отцом.

Каждый знает, для чего нужна родословная у собак, по которой можно проследить наследственность животного во многих поколениях, но почему-то люди совершенно не заботятся о собственной родословной. Именно этим вопросом и занимался ученый. Он решил перенастроить взаимоотношения людей, серьезно считая, что супружеские пары надо тщательно подбирать, основываясь на геномах их предков. А для этого попытался разработать доступный определитель генетического соответствия партнера. Ведь сумел же в свое время натуралист Жан Батист Ламарк создать понятный и доступный определитель растений, которым пользуются до сих пор.

Математические и экономические возможности стали теперь совсем другими. Смешно было читать о том, как американский генетик Томас Морган попросил для научного исследования закупить группу шимпанзе, а у Королевского ученого сообщества, видите ли, не нашлось денег. Поэтому мушка дрозофила долгое время являлась основным объектом исследования. Говвер помнил ядовитенький анекдотец на эту тему, мол, отказ в финансировании пошел только на пользу науке, ибо на мушках Морган и открыл законы сцепленного наследования в хромосомах.

Как это далеко! Как каменный век... в истории человечества. Наука шагнула вперед. Известны местоположения определенных генов, стало просто вырезать участок ДКН с нужными признаками у одних организмов и внедрить их в геном других. Еще в 1978 году методом генной инженерии научились получать инсулин из трансгенного, то есть специально сконструированного штамма бактерий кишечной палочки. Всего из кубометра жидкости с такими e-colli стали получать инсулина столько же, сколько из 16 тысяч килограммов поджелудочных желез свиней.

Не сразу Павел стал Кроссином Говвером. Он пошел по пути, противоположному основателю генетики чешскому монаху Грегору Менделю. Тот выбрал один признак и на практике проверил, как он независимо наследуется из поколения в поколение. Молодой генетик стал исследовать зависимое наследование и готовить руководство этой зависимостью, чтобы у индивида закреплялись в хромосомах и проявлялись наилучшие признаки.

Сравнивая себя с великими киноактерами и героями прошлого, Павел Петрович находил, что он внешне похож на далекого, времен еще XIX века русского писателя Ивана Тургенева. Из естественников эпохи научно-

¹ Кроссинговер — частичный обмен участками одинаковых хромосом родителей во время деления половых клеток (мейоза), когда формируются или яйцеклетки или сперматозоиды.

² Аллели — различные формы одного и того же гена, или разное проявление признака. Аллельные гены находятся в одинаковых хромосомах, в одинаковом месте. Неаллельные — в разных хромосомах или в разных местах одной хромосомы.

го возрождения его интересовали французские ученые Жорж Кювье и Луи Пастер. Первый — тем, что обладал трезвым умом и колоссальной работоспособностью. Исследуя общее, открыл частное, а наблюдая частное, мог предвидеть общее. Ведь это Кювье, глядя на косточку, воспроизвел животное и объяснил, почему оно должно быть именно таким. А Пастер прививками, как щитом, на века закрыл человечество от множества эпидемий.

Работа отнимала много времени у молодого человека, а ведь нужно было устроить и свое семейное благополучие, а потому параллельно научным исследованиям Павел пытался наладить личную жизнь. Вот будет потеха, если у ученого, который занимается наукой по подбору оптимального партнера, чтобы дать превосходное потомство, вдруг произойдет сбой. А такое вполне возможно, ведь он не знает своей родословной хотя бы до десятого колена. Чтобы не опростоволоситься, решил жениться на той девушке, у которой в результате исследований окажется наиболее здоровый подбор хромосом и... глубинная родословная.

Дал соответствующее задание своим лаборантам и младшим научным сотрудуникам. За год были проанализированы миллион шестьсот сорок восемь объектов. Среди них наиболее здоровыми с родословной до шестого поколения оказались двадцать два человека. Из шести девушек он выбрал белокурую немочку из состоятельного рода, живущую в замке. На стенах этого замка висели портреты предков как по отцовской линии, так и по материнской, равной... аж десяти поколениям. Подумать только, но она была единственной с такой глубокой родословной. И он решил — это судьба.

Ее звали Аделина. Старинный немецкий род, древнее имя в переводе с германского — благородная. Все подкупало. Да и синеглазое личико было утонченным, прелестным, просто фарфоровым, аккуратно обрамленным округлой, льняного цвета шапкой волос.

Соединить воедино «сумрачный германский гений» и широту души, русскую отвагу, умение находить выход из любой, самой безвыходной ситуации, что может быть лучше.

Будущий жених приступил к решению личных проблем и рационально, и по-русски широко. Он послал будущей невесте антропометрические данные, свою ДНК, а еще корзину алых роз с записочкой, в которой очень витиевато изъяснился строкой письма Онегина: «...Желать обнять у Вас колени и, зарыдав у Ваших ног, излить мечты, признанья, пени, все, все, что выразить бы мог».

Ему ответили скупом: «Приезжай!»

Из предложенного плана свадьбы Аделина вычеркнула полет на воздушном шаре и спуск на байдарках по бурным рекам Сибири. Объяснялось просто — опасно. Зато предложила посмотреть на Луне кратер, названный именем героического предка Фридриха фон Миллера, воевавшего триста лет назад с проклятым большевизмом вместе с Китаем и Америкой.

— Мой прапращур, вернувшись, остановил ненужную войну, заявив, что Советский Союз, страна дикарей, слишком уж велика, она попросту проглотит немецкую арийскую расу. Мы, потомки, ценим это.

Как же невесте шел серебристый скафандр! Он любовался на слегка подсвеченный, еще более белокожий лик, бездонные синие глаза, что смотрели одновременно томно и бесстрашно, на тонкие розовые губы, которые слегка улыбались. Она была так воздушна, так изящна, что обес-

кураженный жених мигом забыл о тесноте своего скафандра, о том, что ему, по всей видимости, перепутали ароматы радости. Он не любил сладковатого и плотного духа королевской лилии.

Путешествия туристов на другие планеты практиковались давно. Аделина отказалась от свадебного Лунера, предложила полететь на более скромном панорамнике, заявив, мол, он лучше, потому что имеет независимую прозрачную кабину, со сферическим обзором, кроме того, не нуждается в летчиках. Чтобы насладиться самыми различными видами Земли и Луны, растянули перелет на полчаса: должны же они, в конце концов, нацеловаться вволю.

В вечной темноте само собой включилось ночное зрение. В лунном грунте утопали, как в темно-сером снегу. Антистатик отталкивал пыль, а потому одежда всегда оставалась чистой и блестящей. Нагулявшись, сели в шарообразный аэродатчик и понеслись в нужном направлении. Навигатор вилял между лунными горами и кратерами, пока не заставил притормозить над огромнейшей воронкой кратера, имевшего вид удлиненного овала.

И тут руки невесты обвили ему шею. Глаза Аделаиды стали иступленными, в них промелькнуло что-то животное, лицо же оставалось белым, напряженно-испуганным.

— Расстегни снизу молнию на моем скафандре, — она проговорила слегка дрожащим голосом. — Я хочу от тебя ребенка, сейчас, немедленно...

Молодому, пылкому романтику все тогда показалось необычайным. Он был просто счастлив, а потому на обратном пути не вникал в смысл того, что лепетала Аделина, положив прелестную головку ему на плечо.

Оказывается, так называемая лунная брачная ночь являлась традиционным обрядом, которому следовал весь род Миллеров.

— К кратеру прилетали моя мама, бабушка, прабабушка и прапрабабушка. Понимаешь, для меня это очень важно!

Он слушал и не слушал, вспоминал, как проваливалось, ухало в сладкую пропасть тело, как они потом плавали, толкаясь и хохоча, в невесомости.

Свадебное путешествие, брачная ночь и медовый месяц длились ровно два часа. После этого новоиспеченный муж вернулся к себе в лабораторию, в Россию. Он, конечно, не барон, но... Если получится разработать и ввести в компьютер программу оптимального подбора партнеров, то тысячи и тысячи семей будут сохранены. Павел Петрович не был первым, решившим спасти человечество. Его спасали многие, придумывая лекарства, прививки и прочие способы борьбы с болезнями. Он отличался от остальных тем, что разрабатывал программу уничтожения болезней на генном уровне, трезво считая, что человеку пора прийти на помощь природе в подборе наиболее здоровых сообществ и популяций для климатических сред обитания такого большого ареала, как Земной шар.

Аделина настояла на том, чтобы родившаяся дочь носила фамилию Миллер, ведь она родовая баронесса. Зато согласилась на имя, которое предложил муж.

Аллеция фон Миллер росла прелестной белокурой девочкой: умной, аккуратной и удивительно исполнительницей.

Кто не знает шотландской песенки: «Купите лук, зеленый лук, петрушку и морковку, купите нашу девочку, шалунью и плутовку».

Воистину Павлу Петровичу, который мотался по Земному шару, опу-

тывая его маршрутами то так, то этак, будто сине-зеленый глобус нитками, было ужасно некогда. Собранные данные нуждались в обработке, сравнении с данными других лет, других климатических районов.

А потому он с дочкой виделся редко. И в эти драгоценные минуты ему хотелось видеть свою милую малышку именно шалуньей и плутовкой, носить на спине, чтобы мама «купила у него горшочек», лихо плясать русскую «матаню», а то и ползать с ней на коленях, изображая лошадку. А еще ему хотелось подарить малышке что-нибудь вкусненькое, например, плитку чистого, пусть очень дорогого, но настоящего шоколада.

Увы, по мнению матери, так раньше делали дикари, люди неблагородной крови, баронессе быть шалуньей и плутовкой не пристало. Некрасиво баронессе пачкать лицо и одежду шоколадом.

Аллелия, как и мама, всегда была разодета в пух и прах — настоящий прелестный кукленок. Питалась дочка по особому, разработанному специально для ее организма рациону, занималась плаванием, гуляла с няней в парке, строго по времени принимала пищу, в одно и то же время ложилась спать. Появится свободная минутка, рванется папа в родное гнездышко, да только свидеться им не получается — девочка в танцзале или музицирует.

Бывало, что везло. Его ненаглядная Аллелия, пушистый одуванчик, была свободна. Она никогда не выбегала ему навстречу, не кидалась на шею, не целовала, не кричала радостно: «Ура! Папочка приехал». Увидев отца, отстранялась от его бурных ласк, морщилась на восторженные крики и поспешно нажимала ладошкой красную кнопку вызова. Появлялась мама, они обе делали приседания и кланялись, а затем дочка протягивала ему так называемую телеброшюру с «Правилами поведения отцов баронесс».

— Изучим и не будем нарушать, — ровным голосом говорила дочь, качала кукольной головой и исчезала. Ведь по правилам он теперь обязан был пройти к жене в спальню.

Бесконечные правила связывали широкую натуру Павла Петровича по рукам и ногам, но он не сдавался. Пробовал вести себя бурно, возмущаться. Нельзя же жить одними условностями, правилами и предписаниями. Детство — вольная пора, а семья, на то она и семья, чтобы играть и баловаться.

— Какие-то правила! Раньше люди вольнее жили. Взгляни вот сюда, на записи моего прапрадеда: «Нас отец, бывало, разбудит в четыре утра — на Дон, на рыбалку — авось потом, мол, отоспитесь. Научил окуней и щук ловить. Разрешал нам с братом по очереди внедорожником рулить, пока туда и обратно ездили. Иван-чай пили. На лесной поляне рвали и заваривали. В заливных донских лугах траву косили на сено. Сушили, делали из него шалаши и жили возле речки. Сестра козу доила! Отец ей привез, чтобы настоящего молока попила. А сколько играли в волейбол... в водное поло... сколько на велосипедах гоняли наперегонки, на воздушных шарах летали! А еще он нас в старинные храмы водил, молитвам учил».

Увы, для девочки все это считалось опасным, кроме того, не соответствовало званию баронессы.

Дочь даже не догадывалась, что отец, когда грустил по дому, когда его охватывала тоска, включал личную программу «Мои родные» и наблюдал за тем, как она занимается фехтованием, танцует, плавает в бассейне. Аллелия была очень похожа на мать, но превосходила ее в гибкости своего тугого тела, лучше танцевала, лучше плавала по показателям.

Следуя японскому правилу — доводить то, что умеешь, до совершенства, девочка упрямо, но точно следовала тому, что ей предписывали учителя, тренировалась, доводила любое упражнение до блестящего уровня. Ее здоровье превосходило здоровье матери на 2,4 балла. В точных науках была куда способней матери, решала вдвое больше задач, особенно ей давалось черчение, понятие объемности. Ей было чем порадовать родителей, но как же часто она огорчала отца, обижала его.

На десятилетие он привез игривого щенка, спаниеля королевской породы, попытался торжественно вручить, за что схлопотал от именинницы выговор. Оказывается, по правилам из собак в замке можно заводить лишь мраморных догов, и это дозволялось только хозяину, то есть кому-то из баронов Миллеров, членов мужского пола.

Павлу Петровичу присвоили звание доктора наук, в научных кругах прозвали Кроссином Говвером. Профессору приходилось читать лекции в самых разных уголках Земли. Когда редко бываешь дома, то семейный час начинает перешагивать через твои представления о времени. Ты едешь в радужных надеждах, думаешь, как начнешь обниматься с дочуркой, везешь ей огромную куклу Анфису ручной работы, а она, успешно неизвестно когда вырасти, уже отнесла куклы и игрушки в мусорный ящик, решив прагматично, что они больше ей не нужны.

Как ему ни претило, полистал правила для отца, а там говорилось о брате, который нужен сестре. Ухватился за это, как утопающий за соломинку, может быть, с сыном у него получится найти общий язык. С правилами не поспоришь, а потому Аделина вскоре понесла.

И потеплело на душе у Павла Петровича, появилась надежда на то, что с появлением брата Аллелия переменится, станет более душевной и добросердечной. В ней обязательно проснется материнский инстинкт. Живой малыш — не кукла, требует ухода и внимания. Его надо жалеть, с ним придется возиться: подлаживаться под другой, человеческий режим...

В очередное возвращение жена объявила ровным и достаточно холодным тоном о том, что по новой системе правил Совета замка, она приняла решение больше детей не иметь, дабы не испортить фигуры и не состариться раньше времени, а потому избавилась от ненужной беременности.

«А как же братик?» — хотелось напомнить ему, но его уже не было, а значит, и говорить не о чем.

Аллелия отсутствовала: белокурая куколка отправилась в Канаду совершенствовать французский язык и англо-американские наречия.

— Прости, — бесстрастно говорила жена, — я сейчас же улетаю в Антарктиду, хочу месяц пожить среди императорских пингвинов.

— Подожди, — он опешил. — Дай мне, пожалуйста, час времени... хотя бы пообедать, собрать кое-что из своих вещей...

— Хорошо, у тебя ровно тридцать пять минут.

Аппетит пропал. Собираясь с мыслями, Кроссин Говвер бродил растерянно по красивому мраморному полу замка и зачем-то разглядывал старинные одеяния на портретах, потом глаза наткнулись на медную табличку, висящую на дубовой двери кабинета. Казалось, его привела туда рука судьбы. Просторная и очень высокая комната была уставлена полированными дубовыми шкапами с книгами и манускриптами. На столе, рядом с чугунными, покрытыми блестящим черным лаком часами в виде бюста Бисмарка, в прозрачной пластмассовой коробке лежала красная старая, затертая папка с наклеенной бумажкой, на которой русскими

буквами было написано: «Теоретические расчеты и практические рекомендации по генетическому созданию советского человека — созидателя». Профессор прочитал и ахнул, ведь это та же тема... его... разработанная... в 1942 году... почти три века назад... стоит только убрать слова о советском человеке. Как же бешено заколотилось сердце! Да! 1942 год, а сейчас 2222. Уже тогда его однофамилец, мало того, ученый, имеющий те же инициалы, возможно, родственник, желая вывести советского созидателя, сумел вывести арийскую расу. Только где же она — эта порода? Полегла в мировой войне? Нет-нет, война началась раньше, а чтобы вывести новый тип человека, нужно не одно десятилетие.

И вновь Кроссин Говвер бродил по богато и красиво убранным залам, только теперь внимательно всматривался в лица и находил, что с каждым новым портретом, особенно по женской линии, происходили явные улучшения. Так вот в чем дело! Его совершенная жена — практический продукт той деятельности, над которой его лаборатория генетики бьется не один десяток лет. От таких мыслей профессор просто задохнулся, растерялся, а затем дико захохотал.

— Двадцать лет потрачено на то, что уже найдено другим генетиком, более гениальным. Мало того, за триста лет теория проверена практикой на примере рода баронов Миллеров. Мне остается всего лишь снять сливки с этого научно обоснованного проекта, то есть создать общедоступную для каждого индивида программу.

Он хохотал, но радости в сердце не испытывал. Наоборот, вышел в зал и тупо уставился на юный портрет своей совершенной во всех отношениях жены.

«Почему же тогда я не хочу, чтобы Аллелия походила на мать? — мучительно размышлял он, потирая усталый лоб. — Все на самом деле не так просто, как я решил. Практика указала на явную взаимосвязь: чем совершеннее становится тело и расчетливей ум, тем холоднее сердце и мельче душа. В погоне за породистой внешностью забыли о душе. А ведь забыть о душе — значит забыть о Боге. Жена моя — совершенство, но совершенство бездушное — холоднокровное. Получается, наши теоретические расчеты выводят такую породу людей, которая эволюционно со временем опускается до уровня амфибий. А разве у лягушки или у саламандры есть душа?»

Метнулся в кабинет, открыл пожелтевшие от старости листы, в самом конце нашел то самое сомнение об отрицательных последствиях эксперимента, которое всегда сопровождает настоящего ученого.

«Так и есть. И мой предок тоже пишет о самом главном, с чем не поспоришь... об отсутствии в данном эксперименте химии любви. Внешне и по здоровью, и по уму человек совершенен, но без любви — это не человек, а кукла. Без любви совершенствуется эгоистичный индивид, зато исчезает человечность со всеми своими притязаниями, недостатками и достоинствами, с умением жалеть и сострадать, плакать и совершать бездумные поступки.

И триста лет назад, и сейчас одно и то же. Как же он не понял сразу — каждому совершенству еще необходим эликсир любви, кувшинчик хрустального счастья».

— У тебя ровно минута, — ровным и спокойным голосом напомнила жена. — До свидания, дорогой.

Этого времени оказалось достаточно, чтобы Павел Петрович вспомнил и осознал слова Льва Толстого: «Никогда не поздно начать все сначала».

ла». Он не приставит пистолет к виску, не напьется в хлам, просто вернется назад, в прошлое, где найдет милую, родную, русскую простушку-хохотушку, и пусть она, свив уютное семейное гнездышко, родит ему ту самую «шалунью и плутовку», похожую лишь на саму себя. А с опытами по выведению породистого арийца покончено. Человек — это золотая середина, оптимальный баланс души и тела.

— Прощай, дорогая!

Он нажал зеленую кнопку на чипе, повернул стрелку таймера переноса во времени на минус 250 лет и твердым голосом проговорил:

— Хочу оказаться там, куда хотел вернуться мой отец, куда меня зовет голос крови, куда стремится душа.

